

Неправда у Вас — «любимый поэт». Как это может быть, когда тут же рядом «балаганчик» употребляется в ругательном значении, как искони употребляет это слово всякий журналист? Вы же не знаете того, что за «балаганчиком», откуда он; не знаете, значит, и того, что за остальными стихами, и того, какую я люблю Россию, и т. д. Я не менялся, верен себе и своей любви, также — и в фельетоне, который Вам так ненавистен. Значит, надо сказать — не «любимый поэт», а «самый ненавистный поэт».

Александр Блок

Р. С. Будьте любезны, передайте в газету прилагаемую записку.

В архиве Пришвина сохранилась рукопись ответного письма, вероятно, не посланного Блоку (среди писем корреспондентов Блока этого письма нет).

Обращаясь к Блоку, Пришвин писал: «Александр Александрович, — мой ответ [на Вашу статью в «Зна(мя) Тр(уда)»] был не злой [как Вы пишете], а кроткий. [Именно только любимому человеку можно так написать, как я] Если бы автор не был Блок, я написал бы, что он получает *ворованные* деньги, что земгусар ничего не делал на войне, а пьянствовал в тылу, что он ходит почему-то до сих пор в военной форме и еще [много] много всего. [И это надо бы все написать, потому что Вы это заслужили] О [Ваших] семейных отношениях земгусара я не мог бы ничего написать, потому что я этим не интересуюсь, все наши общие знакомые и друзья подтвердят Вам, что я для этого не имею глаза и уха, и если что вижу и слышу, забываю немедленно».

Лев Толстой говорит, что писать нужно о том, что знаешь. Вы не знали, о чем Вы пишете, и в этом Ваш грех». И далее: «Сотую часть не передал я в своей статье того негодования, которое вызвала Ваша статья у Мережковского, у Гишпиус, у Ремизова, у Пяста. Прежде, чем сдать свой ответ [Вам] в типографию, я прочел его Ремизову и он сказал: «ответ кроткий»».

Да, я русский, кроткий, незлобивый человек, но я, кажется, теперь подхожу к последней черте и молюсь по-новому: Боже, дай мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить».

Еще напослед вот что: Вам больно от меня и мне больно от Вас, так больно, что я и не знаю, где Вы лично, и где я лично — я к Вам, как к себе, а не то что Буревин к Вашему Балаганчику».

В заключение Пришвин пишет: «Я не торжествующий<...>Вас понять могу».

(Частично тексты письма Блока и Пришвина напечатаны в книге: В. П р и ш в и н а. Путь к Слову. М., «Мол. гвардия», 1984, с. 182—183).

БЛОК В ДНЕВНИКЕ ПРИШВИНА И НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО БЛОКА ПРИШВИНУ

Публикация В. В. Круглеевской и Л. А. Рязановой

Валерия Дмитриевна Пришвина (1899—1979) — спутник жизни, хранитель литературного наследия и исследователь творчества писателя, подводя итог своей почти двадцатипятилетней работы, выделила несколько центральных, по ее мнению, тем, которые были особенно важны для Пришвина. В их числе — тема «Блок и Пришвин».

В 70-е годы она подготовила к печати работу о взаимоотношениях Пришвина с писателями символистского круга (по материалам его архива). Во вступлении В. Д. Пришвина писала, что первоначально работа «была ограничена темой отношений Пришвина к Блоку и влияния Блока на личность и творчество писателя. В процессе работы материалы вышли за пределы поставленной вначале темы и превратились в широкое размышление Пришвина о времени символизма. Так случилось потому, что стало необходимым показать отношение Пришвина к самой среде, в которой жили оба писателя. По записям Пришвина мы убедимся, что в оценке этой среды Пришвин и Блок были очень близки».

Представленный ниже материал является частью этой работы. Из записей Пришвина о Блоке публикуются наиболее значительные.

Пришвин был начинающим писателем, искавшим свой путь в литературе, когда вошел в круг ведущих деятелей искусства и стал членом Религиозно-философского общества в Петербурге. На заседаниях этого общества Пришвин и встретил Блока. Встречи с Блоком были нечасты, всегда на людях, и возможность дальнейшего общения прервалась наступившей революцией и ранней смертью поэта.

Блок умер, но у Пришвина всю дальнейшую жизнь продолжался молчаливый с ним разговор о многих общих для них темах: о символическом смысле поэмы «Двенадцать» и образе Прекрасной Дамы, об отношении к России и революции. Это было глубокое, никогда не прекращавшееся общение, уходившее и под спуд, иногда на годы, и вновь выплывавшее на поверхность. Записи о Блоке начиная с 1908 г. встречаются постоянно в дневнике писателя вплоть до последних дней его жизни.

Ноябрь <1908 г.> На религиозно-философском собрании: Блок и Рябов¹, Философов и сектанты, Гиппиус и Рябов.

Подхожу сегодня к Блоку, спрашиваю его, и так он ответил мне проникновенно. Я его понял без слов. Хотел ему что-то сказать. Тут подошел Н. <...> и все закрылось. Теперь я встречу его — кто знает — что-нибудь помешает — закрылась душа, и нет его.

14 ноября <1908 г.> Вечер у Павла Михайловича². «Чан». Чтение Сологуба у хлыстов <...>

Я вижу Блока, слышу и опять боюсь: вот закроется окно...

7 января <1909 г.> В религиозно-философском собрании собрался было говорить, но выступление не удалось: Струве³ занял время своей реформацией.

Вошел Блок. Вот тоже полярная противоположность Ремизову. Тоже Европа и Россия, тоже личность и быт, тоже открытое высказывание своих взглядов и присматривание к другим... и много всего.

Блок — юноша. Как охотно говорит он о своих переживаниях. Я попросил его прочесть мою книгу, обратить внимание на стиль и сказать мне о книге так, чтоб мне что-нибудь осталось для себя. И тут мы разговорились вообще о том, остается ли что-нибудь для себя от критики. У него, признался он, остается только несколько слов, остальное мимо. Но кто критикует? И так мы подошли опять к вопросу об интеллигенции и народе, о расколе интеллигенции, о том, куда легче предаться — Леониду Галичу⁴ или мужику.

Он мне рассказал любопытное: есть в нем такое чувство к Венере Милосской, что хотелось бы разбить ее, чтобы остались только геометрические формы⁵. То же чувствует и Бенуа... Наш разговор остался неоконченным, но он и не может кончиться...

9 января <1909 г.> Были у меня опять хлысты. Подготавливал их к выступлению на р<елигиозно>-ф<илософском> собрании. Если бы пробить их схоластическую мудрость, то внутри оказалось бы паразитическое явление: в XX веке — начало христианства, «начало века» <...>

Как они хорошо угадали Мережковского... Вслед за ними и я думаю: он иностранец, ему не понять русского народа, он только словесник... нет... он словесник, который искренно хочет отказаться от словесности, то есть от самого себя...

Блок и Мейер⁶, по мнению хлыстов, обладают «пророческим» даром. Просто, по-моему, они искренние люди. Но ведь Мережковский тоже искренний, почему же он все же кажется неискренним...

20 декабря <1909 г.> У Мережковского. Был Блок. Блок сказал, что Мережковский как крестоносец застрял в Риме⁷.

24 <декабря 1909 г.> Рел<игиозно>-фил<оссофское> собрание. Беседа с Блоком <...>

Испуг — вот что может служить руководством для определения того момента, когда невозможно слиться со средой... Гармонического писателя нет: все с провалами. Пушкин под конец жизни сгустился и умер естественно, если бы не умер, то пал бы⁸.

Я ему говорил:

— Истинное должно быть свободно, как все растущее из земли.

Он не понял и принялся доказывать:

— Нужно сказать да, рано или поздно, нужно.

Такое состояние, как у меня, и у него было до *<1 нрзб.>*

<1914 г.> У Блока два лица: одно каменное красивое, из которого неожиданно искренняя речь... а то вдруг он засмеется, как самый рядовой кавалер из Луна-парка.

<Зима 1915 г.> Салон Сологуба: величайшая пошлость, самоговорящая, резонирующая всегда логичная мертвая маска... пользование, поиски популярности *<...>*

Бунин — вид, манеры провинциального чиновника, подражающего петербуржцу чиновнику (какой-то пошиб).

Карташов ⁹ все утопает и утопает в своем праведном чувстве.

Философов занимается фуфайками ¹⁰.

Блок всегда благороден.

2 марта <1921 г.> Снилось, будто я ученик в классе, а учителем у нас поэт Жуковский. Он сказал: — Вот у нас Пришвин тоже литератор, только очень плохой. — Вы, — огорчился я, — Василий Андреевич, может быть, всю новую литературу за плохую считаете, например, Бальмонта?

— Бальмонта считаю за плохого.

— А Блока признаете?

— Блока признаю.

17 сентября <1921 г.> Вчера была у меня Мария Михайловна Энгельгардт ¹¹ и вот что узнал я: умер Блок.

9 августа <1922 г.> Блок, прочитав «Колобок», сказал:

— Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть еще что-то.

— Что?

— Я не знаю.

— В дальнейшем нужно освободиться от поэзии или от этого чего-то.

— Ни от того, ни от другого не нужно освобождаться.

8 сентября <1922 г.> Душа раздвоена *<...>* а станешь думать, выходит *<...>* хорошо, да хорошо: сонная, отвратительная Россия исчезает, появляются вокруг на улице бодрые, энергичные молодые люди. Встает ужасный вопрос: не я ли это умираю, как умирал Блок со своею Прекрасной Дамой?

9 декабря <1922 г.> Вчера Мандельштам сказал, что всего лучше, когда молодой поэт, прочитав стихи, просит сейчас же ответа, сказать: «Это для вас характерно». Тут я вспомнил Блока — вот кто единственный отвечал всем без лукавства и по правде, вот был истинный рыцарь.

Наконец, я понял теперь, почему в «Двенадцати» впереди идет Христос — это он, только Блок имел право так сказать: это он сам, Блок, принимая на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его вперед убийц: это есть Голгофа — стать впереди и принять их грех на себя. Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок в вихре чувств закруженный, взлетевший до бога.

1 апреля <1926 г.> Читал «Живой Пушкин» Ашукина ¹². Вспомнился разговор с Блоком... — Но вот убили же Пушкина, — сказал я. — Он сам в то время уже был кончен, это его собственный конец был, — сказал Блок, — жить ему было нечем, его и убили.

6 мая <1926 г.> Первый раз в жизни во время тока думал о книжном, о Горьком и Блоке.

Горький часто изображает себя заступником какого-то «разума», но какого — трудно понять: есть разум европейского позитивиста при убеждении Заката Европы ¹³, едва ли он в него верит; есть разум американского прагматиста — едва ли это разум Горького и во всяком случае это не «разум» русского интеллигента, политического сектанта.

Я себе так представляю тот разум, который готов и я отстаивать вместе с Горьким: это момент ясности в человеке, наступающий иногда после борьбы разных противоречивых чувств, сопровождающийся способностью мерить и ставить вещи на соответствующее место. Этот момент творческой формации обусловлен, однако, большой мучительной предшествующей борьбой чувств, и без этого предшествующего процесса является совершенно другим, малым разумом, которым пользуются в общезнании как чем-то готовым.

Вот против этого малого обезьяньего разума и протестовали русские люди большого разума — Толстой, Блок и другие <...>

Общаясь с декадентами, я всегда испытывал к ним в глубине души враждебное отталкивание, доходившее до отвращения, хотя сам себя считал за это каким-то несовершенным человеком, низшего круга. Но Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил. Розанов, по-моему, не был тем хитрецом, о котором пишет Горький, он был «простой» русский человек, всегда искренний и потому всегда разный. И потому он был в нашем кругу с Ремизовым, а на другой стороне, совершенно противоположной, были Гиппиус, Блок и другие.

21 сентября <1926 г.> Вчера слушал по радио вечер Блока и очень волновался...

Есть люди, от которых является подозрение в своей ли неправоте, или даже в ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок.

Стихов Блока и вообще этой высшей стихотворной поэзии я не понимаю: эти снежные кружева слишком кружева для меня. Эта поэзия, как стиль аристократических гостиных — признаю, что прекрасно, и рад бы сам быть в них своим человеком, но ничего не поделаешь, не приучен, ходить не умею.

Блок для меня — это человек, живущий «в духе», редчайшее явление. Мне так же неловко с ним, как с людьми из народа: сектантами, высшими натурами. Это и плюс аристократизм стиха, в общем, какая-то мучительная снежная высота, на которой я не бывал, не могу быть, виновачусь в этом себе и утешаюсь своим долинным бытием без противопоставления.

Но мы встретились с Блоком в отношении к Октябрю. Горним своим глазом он разобрал в нем Интернационал, а я своим долинным чутьем понимал это как несчастную для всех нас смуту. Мне представлялось, что смута скоро кончится и начнется лучшая жизнь. Я и теперь так просто думаю: чем меньше жертв, тем лучше. Словом, я не чувствую «музыки» революции, хотя верю и знаю, что она была у немногих, знакомая мне музыка по моей юности, этот как будто готовый смертельный выстрел в «буржуя», наведенное в упор, в брюхо ружье и... чик! осечка, — чик! — другой раз — чик! третий и толстый широкозадый, улыбаясь, проходит...

Романтизм вообще в моем понимании есть высшее выражение благородства природы, как есть представление о первородном грехе, так есть и уверенность в первородном добре и красоте. Блок был таким же романтиком, как и я, как и другие «природные оптимисты». Но мы разнимся с ним в отношении к «первородному греху», к дьяволу мира, к злу вообще. Блок глуповат и слеп в отношении к дьяволу <...>

Редко рождается человек совершенно голым от романтизма, огромное большинство людей романтики и в известный период жизни даже максималисты. Однако жить нельзя с романтизмом так односторонне, все заключают договоры с дьяволами и весь вопрос только кто с какими: с низшими — низшие, с средними — средние, с высшими — высшие <...>

Я это все сознаю, но вероятно во мне самом остатки бездоговорного романтизма настолько сильны еще, что судьба Блока меня задевает и вообще ясности в моем договоре еще нет... с низшими — нет! с высшими — неясно. Очень возможно, что у меня тоже не хватит ума. Ведь даже у Пушкина, у Гоголя, у Толстого

не хватило, и они кончили совершенно так же, как Блок. Мудрее всех был Достоевский, у него были ошибки, близкие к провалу, но сам он не провалился ни физически, ни духовно.

14 октября <1926 г.> Да, вот вспомнилось из ночи об идеях, начиная с идеи Прекрасной Дамы. Идеи, мне кажется, как ложное солнце, немного сдвинуты в сторону от светящегося живого тела, и если метиться в тело, ставя прицел на идею, то снаряд пролетит мимо. Так идея Прекрасной Дамы приводит Дон Кихота даже не к Альдонсе, а к какой-то безобразной девке на осле <...>

У самих творцов идей, подобных Прекрасной Даме, эти идеи были как ложное солнце от их настоящего горящего небесного тела: эти идеи были просто отсветом их жизни, принявшим определенную форму.

20 января <1927 г.> Прекрасная Дама непременно Дева, и родить может только Бога. Так смотрю на ангелов Рублева и чувствую в них монаха, заменившего любовь к женщине искусством. Такое же происхождение и тургеневских женщин. И не такое ли же происхождение моей весны?

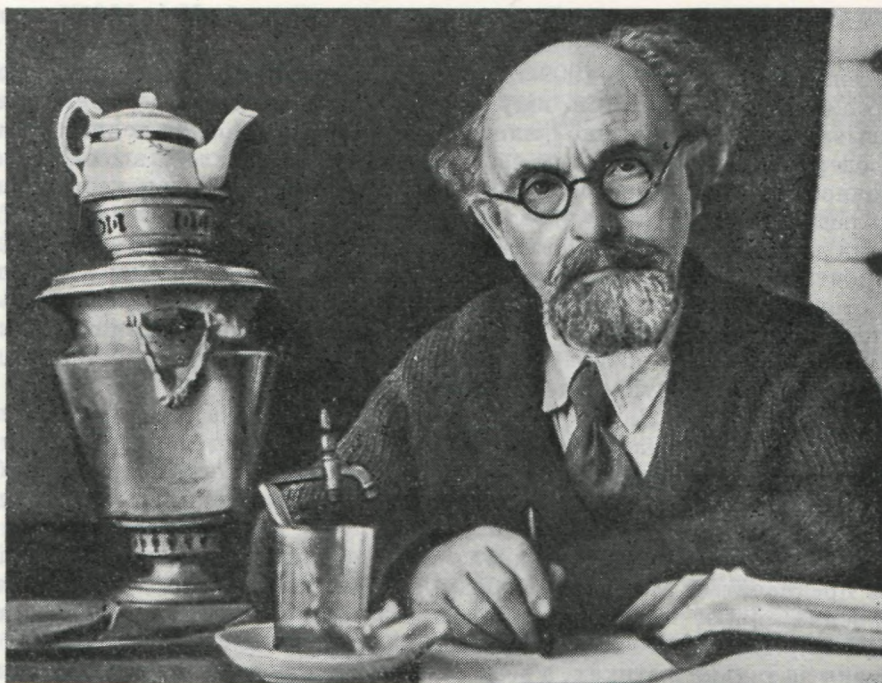
30 января <1927 г.> Почти десять лет я оставил Петербург и вернулся в Ленинград: да, действительно Ленинград, потому что Петербург умер — это другой город. Но Петербург был моей писательской родиной, и как только вышел я на Неву, мертвцы окружили меня и подавили все восприятие современности <...> Тут я познакомился с Блоком и многими другими поэтами и писателями. Блок, красивый, блестящий поэт окруженный барышнями, поразил меня с первого знакомства серьезностью своего духовного внимания. Он говорил «по духу» и там, где все обыкновенные люди говорили шутя.

7 декабря <1927 г.> Я не был декадентом-эстетом, но презирал народническую беллетристику, в которой искусство и гражданственность смешивались механически. И потому я искал сближения с теми, кого вначале называли декадентами, потом модернистами и, наконец, символистами <...> Никто из крупных писателей и поэтов того времени, однако, не оценивал себя как эстет, каждый из них, я знаю, писал в соотношении с тем, что происходило внутри вулкана, который представляла тогда народная жизнь. Мне кажется, более всех других, тоже очень чутких к жизни поэтов, отразил и в своем творчестве и в своей личности трагическую эпоху русского искусства Александр Блок.

Взять даже внешнюю жизнь поэта — рабочий, крестьянин, земский интеллигент — все бывали у Блока, и кто бывал, будет до гроба хранить очарование равенства всех в общении с этим прекрасным душой и телом человеком. И не один Блок, а все писали и озарялись в сторону революции. Мережковский даже пророчил, что символисты первые сгорят в огне революции, что с них начнется пожар. Где же был в это время Горький? Горький не жил в мире искусства. Он блуждал где-то там ближе к вулкану и появлялся. Блок о нем говорил: «Горький как художник и не начинался». Я хорошо и точно помню эти его слова: Блок очень много думал о Горьком, часто о нем вспоминал и говорил. В устах Блока «Горький как художник и не начинался» означало, конечно, не то, что Горький не написал еще ни одного художественного сочинения, а что Горький не принял в себя целиком трагедию художника того времени: быть художником во что бы то ни стало, хотя бы земля разорвалась под ногами [что если я выражу это такими словами: Блок принимал на себя обязательства неба, Горький земли и человека?]

2 октября <1934 г.> Мои вечные спутники поэты: Лермонтов, Блок, Есенин, Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступным Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гете. Этот вопрос о рукотворности вещи, мне поэзия должна быть как молитва.

9 октября <1941 г.> Есть подпольные мысли у людей, ночные спутники, порожденные личным бессилием. Они все идут от лукавого, и их надо в самом начале, как только они заводятся, отгонять от себя <...> как бесов. Достоевский дает нам полную картину жизни и влияния этих бессильных перед светом и все-сильных ночью существ <...>

М. М. ПРИШВИН

Фотография, 1942 г.

Литературный музей, Москва

Помню, как-то Блок сказал мне: «Между тем, как пройдешь через все подполье, то почему-то показывается из этого свет».

24 июня <1942 г.> Помню, Мережковскому я сказал, что «Пан» Гамсуна превосходная поэма.

— Раза три прочел, — ответил М<ережковский>, — и не мог понять, чем увлекаются, если герой — дурак.

— Я тоже читал, — ответил Блок, — там чудесная природа, но так... я тоже не нахожу ничего.

— Но это же немало, дать природу, как Гамсун?

— Я не знаю, — сказал М<ережковский>, — какой интерес заниматься природой после Гете: о пантеизме все сказано, все пережито, все старо.

Совершенная правда была в словах М<ережковского>, но она тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм, по-своему.

30 апреля <1944 г.> Против окна моего через двор за крышей флигеля глава церкви с облупленным железом, но крест золотой восьмиконечный хорошо сохранился, и шарик над ним цельный и луковка. Направо, на главном здании, над Пастернаком¹⁴ на крыше торчат две пушки-зенитки, и между ними сейчас, когда я пишу, очень высоко, как ласточки, парят кругами два коршуна. Смотрю на коршунов и вспоминаю Блока в новом для себя освещении:

Идут века, шумит война
Встает мятеж, горят деревни.
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?¹⁵

2 мая <1944 г.> В стихах Блока вязнешь, как в болоте, и тоже вечность, показывается, и засасывает.

7 сентября <1947 г.> В 1909 г. высший слой литературы в Петербурге был насыщен бродячими мыслями, ищущими своей материализации. Чего только ни высказывалось на религиозно-философских собраниях, о чем только ни мечтали люди, одержимые бродящими по свету мыслями. Создавалось в этом хаосе полупризрачное существование, похожее на сказочные души в непоказный час рождения людей: присыпущей, удавущей, заливущей.

Среди них были и замечательные поэты, как Александр Блок, но даже и такие почти гениальные люди держались неукрепленно, как держится прямым синим столбом в тихую погоду выходящий из трубы дым. Как хочется вырваться из такого душного Петербурга и укрепить себя где-то в действительности, где люди живые бьются за свое существование день и ночь и радуются по-детски, если выйдет какое-нибудь облегчение.

7 января <1948 г.> Начало: Соловьиная поэма Блока. Осел привез поэта в Соловьиный сад, и он там заскучал по своему ослу. Смысл этой поэмы тот, что каждый поэт мечтает освободиться от своего осла, и когда попадает в боги — скучает о своем осле. И такова вся жизнь поэта, как альпиниста: хочется уйти от осла, но осел везет продовольствие.

Поэзия — это сила центробежная, подчиненная центростремительной силе. Поэзия предпочитает этой силе свободу, она бы ушла в бесконечное пространство и бросила землю, но центростремительная сила земли держит поэзию и получается, как у Блока, что поэт, как осел, впрягается в воз. Движение по кругу.

Поэзия не только в стихах, а везде: и в прозе, и во всей повседневности. Если разорвать этот союз двух сил, то у Блока распадается на поэта и осла, у Сервантеса на Дон-Кихота и Санчо...

9 января <1949 г.> Вспомнив Блока, надо вспомнить о необходимости осторожного обращения с поэтическим образом, то есть не выходить за пределы поэзии в пророки и мудрецы. Блок в религиозно-философских собраниях выступал, если вникнуть в слова, как мудрец и пророк, но если отбросить интерес к словам, то всегда казалось, что выступает способный гимназист старшего класса. Все как-то не всерьез. И сейчас читаешь: чудесно, а взять нечего.

16 марта <1951 г.> Боже мой! Я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в «Двенадцати». Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал, как медленно душа моя опознает современность.

13 августа <1951 г.> Я сказал молодым почитателям Маяковского: «Только вы должны понимать, что Маяковский сделался нашим не силой поэтического кривляния и фигуранства, а силой внимания к грядущей народной жизни и смирения. Я знаю это по Блоку и по себе».

20 февраля <1952 г.> Кончил читать письма Блока к матери, и сердце сжималось жалостью к судьбе этого юного Дон-Кихота, великого (да, наверно, великого!) поэта.

23 октября <1952 г.> Из всей массы писателей моего времени остались теперь: Чехов, которого я не знал, Горький, Блок и Бунин.

31 января <1953 г.> Вспоминается день, когда вождь секты «Новый Израиль» Павел Михайлович Легкобытов сказал Блоку:

— Поймите, Александр Александрович, что мы здесь представляем из себя кипящий чан, в котором все мы со своими штанами и юбками сварились в единое существо. Бросьтесь вы в наш чан, и мы воскресим вас вождем народа.

Блок ответил, что так просто располагать собой он не в состоянии, он не может «бросить» себя (у Маяковского — «наплевать»).

От Блока до Маяковского <...>

Ляля¹⁶ старается отвести мою работу «Слово правды»¹⁷ от зависимости ее от спора между Блоком и Маяковским и поставить ее «по ту сторону», как умел я ставить до сих пор все мое писательство.

12 июня <1953 г.> На моем горизонте менялись цари, выросли государственные думы, революции и войны мешали, как мешают людей, показывались необыкновенные люди, вроде Горького, Шалапина, Блока. Все на свете задевало меня, но с тех пор, как я ощутил счастье создавать что-то из себя, ничто не могло отклонить меня в сторону.

Все происходящее совершается в свете и тьме, и я все переживаю, но делаю то, что сам хочу и что надо для всех.

<1953 г.> Помню, Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе, сказал мне:

— Вы достигаете понимания природы, слияния с ней. Но как вы можете туда броситься?

— Зачем бросаться, — ответил я, — бросаться можно лишь вниз, а то, что я люблю в природе, то выше меня: я не бросаюсь, а поднимаюсь.

Все живое в природе поднимается от земли к солнцу: травы, деревья, животные — все растут. Так точно и человек, сливаясь с природой, тоже возвышается и растет.

Хотя я и вошел к тому времени во все петербургские литературные круги, всюду печатался и был уже признанным писателем, я продолжал жить среди природы и простого русского народа, лишь изредка появляясь в столице.

В это декадентское время видел я поэтов, мелькавших, как бабочки-поденки, и видел настоящих поэтов, как Блок, всегда тоскующих в поэзии о чем-то большем, чем поэзия в метрах. Великие поэты разрешались от такой тоски стихами, а я гасил себя в соприкосновении с самой землей, стараясь захватить из нее хоть что-нибудь на память, хоть что-нибудь на показ людям во свидетельство великой, радостной, цельной жизни.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Рябов — один из деятелей хлыстовства, участник религиозно-философских собраний.

² Павел Михайлович Лежкобытов — один из руководителей секты хлыстов «Новый Израиль».

³ Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — русский экономист, философ, публицист и общественно-политический деятель; был теоретиком «легального марксизма»; после Октябрьской революции эмигрировал.

⁴ Леонид Евгеньевич Галич (Габрилович, 1878—1953) — журналист.

⁵ См. об этом статьи А. Блока «Памяти Врубеля» (1910) и «Крушение гуманизма» (1919).

⁶ Александр Александрович Мейер (1875—1939) — философ-публицист, был членом совета Религиозно-философского общества в Петербурге.

⁷ См. статью Блока «Мережковский» (1909) — V, 360—366.

⁸ В статье «О назначении поэта» (1921), посвященной 84-й годовщине смерти Пушкина, Блок пишет: «Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса <...> И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл» (VI, 167).

⁹ Антон Владимирович Карташев (1875—1960) — профессор богословия Духовной академии; после Октябрьской революции эмигрант.

¹⁰ По-видимому, разумеется заготовка одежды для армии.

¹¹ Родственница известного ученого-агрохимика и общественного деятеля А. Н. Энгельгардта, на опытной агрохимической станции которого в имении Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии работал в это время Пришвин.

¹² Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972) — литератор и библиограф, автор историко-литературного исследования «Живой Пушкин» (1934). Вероятно, запись связана со следующими строками: «Последние годы его жизни были мучительно тяжелыми. Причины его тревог и огорчений были разнообразны... Ко всему литературные дела Пушкина не были блестящи. Читатели к нему охладели. Издаваемый им «Современник» шел плохо. Критика бранила его новые произведения... Круг смыкался все теснее» (Н. Ашук и н. Живой Пушкин. Московское товарищество писателей, 1934, с. 97).

¹³ Имеется в виду книга немецкого философа Освальда Шпенглера (1880—1936) «Закат Европы».

¹⁴ На верхнем этаже дома писателей в Москве в Лаврушинском переулке жил Б. Л. Пастернак.

¹⁵ Из стихотворения Блока «Коршун» (1915).

¹⁶ Валерия Дмитриевна Пришвина.

¹⁷ Имеется в виду повесть-сказка «Корабельная чаша», над которой в это время работал Пришвин.

* * *

Когда книга уже находилась в производстве, в архиве Пришвина удалось обнаружить неизвестное письмо Блока к нему от 2 декабря 1917 г. (датируется по письму Пришвина Блоку от 29 ноября 1917 г. и помете поэта: «Отв. 2. XII»). Приводим тексты обоих писем.

ПРИШВИН — БЛОКУ

⟨Петроград. 29 ноября 1917 г.⟩ *

Многоуважаемый Александр Александрович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам «Литер(атурное) приложение» к «Воле народа», в котором напечатаны Ваши стихи «Соловьиный сад». Я получил Ваши стихи от Ремизова, который взял на себя ответственность — что Вы не обидетесь за «без спроса», но я все-таки звонился к Вам и не дозвонился.

Не дадите ли еще что-нибудь для «России в слове» (так называется Приложение), хотя бы из старого? А главное нужно что-нибудь от Вас для Рождественского номера, который будет посвящен исключительно детям, так как взрослые Рождества недостойны.

Еще раз прошу Вас не сердиться за без спроса, а если рассердитесь — Ремизов за меня отвечает, и стоит за меня, и Вас умилюстит.

Искренно преданный Вам М. Пришвин

P. S. Гонорар по 1 р. за стр. в субботу в конторе, а если не хочется итти — известите, пришлют.

⟨Над письмом сверху⟩

Адрес мой: Вас(ильевский) Остр(ов), 13 линия, д. 20, кв. 43
Михаилу Михайловичу Пришвину.

БЛОК — ПРИШВИНУ

⟨Петроград. 2 декабря 1917 г.⟩, Офицерская, 57, кв. 21
тел. 612-00 (испорченный)

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

Я совсем не сержусь, наоборот, очень рад, что эта поэма опять напечатана; публика новая, и читать будет (если будет) заново.

Посылаю Вам для детского Рождественского номера два стихотворения, которые тоже были напечатаны. Могу набрать и для взрослых для перепечатки довольно много и, мне кажется, подходящего теперь. Удастся ли мне сейчас сочинить что-нибудь новое — сомневаюсь.

Только одно: гонорар маловат. Может быть, поговорите о прибавке? Я и до революции больше получал, а теперь менее 3 рублей думал не брать. Жалованье на службе платить перестали. Сегодня пошел на Бассейную за деньгами, но трамвай встали.

Преданный Вам Ал. Блок.

* ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 373. Письмо на бланке газеты «Воля народа». Сверху — рукой Блока: «Отв. 2. XII».